

Глеб Иванович Успенский

Пришло на память

Глеб Успенский
Пришло на память

«Public Domain»

1881

Успенский Г. И.

Пришло на память / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1881

«Все, что написано ниже, пришло мне на память случайно, неожиданно, и пусть не удивится читатель отрывочности этих случайных воспоминаний. Произошло это оттого, что воспоминания нахлынули на меня в самое неподходящее для них время. Шел я как-то по Невскому в морозный зимний полдень, занятый своими мыслями, озабоченный своими заботами, шел, не видя ни толкотни, ни давки, не слыша ни единого звука, кроме тех, какие слышались мне в моих молчаливых размышлениях; и вдруг на углу какой-то из улиц, впадающих в Невский, – сплошная масса народу всякого звания и состояния: и барышни с портфелями нот, и рыбники с посудинами на головах, и чиновники, и офицеры, а среди улицы – масса остановившихся экипажей, карет, извозчиков, ломовиков, и все это сгрудилось в кучу...»

© Успенский Г. И., 1881

© Public Domain, 1881

Содержание

I. Встреча на Невском	5
II. Сено	8
III. Работники	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Глеб Иванович Успенский

Пришло на память

I. Встреча на Невском

Все, что написано ниже, пришло мне на память случайно, неожиданно, и пусть не удивится читатель отрывочности этих случайных воспоминаний. Произошло это оттого, что воспоминания нахлынули на меня в самое неподходящее для них время. Шел я как-то по Невскому в морозный зимний полдень, занятый *своими* мыслями, озабоченный своими заботами, шел, не видя ни толкотни, ни давки, не слыша ни единого звука, кроме тех, какие слышались мне в моих молчаливых размышлениях; и вдруг на углу какой-то из улиц, впадающих в Невский, – сплошная масса народу всякого звания и состояния: и барышни с портфелями нот, и рыбаки с посудинами на головах, и чиновники, и офицеры, а среди улицы – масса остановившихся экипажей, карет, извозчиков, ломовиков, и все это сгрудилось в кучу по случаю похорон какого-то военного.

Остановившись вместе с другими и оглядевшись, я совершенно случайно увидел в толпе как будто знакомую мне фигуру крестьянина, да и крестьянин как будто узнал меня. «Кто это такой?» – думал я в то время, когда военный оркестр затянул унылое и длинное «Коль славен». Приблизившись к крестьянину, я спросил его, где я его видел, и с двух слов мы совершенно узнали друг друга. Мы – точно, виделись и знали друг друга, но давно, года с два назад, в деревне, где я провел целое лето, первое, самое приятное деревенское лето... В то время Иван (так звали моего знакомого) был простым работником, и я видал его не иначе, как в одной рубашке; теперь на нем был ватный картуз, тугий платок на шее, ватная чуйка, а лицо уже не носило той загадочной драматической черты, которую я помнил в нем, а было какое-то глупо-важное, опухлое нездоровой полнотой, да и голос у него был сиповат.

Несмотря на то, что нам было приятно встретиться, оживленного разговора между нами как-то не вышло. Слушая унылые звуки «Коль славен», глядя на публику, на солдат, на офицеров, державших в руках подушки с орденами и переминавшихся от холоду с ноги на ногу, – мы перекидывались самыми ординарными вопросами и ответами.

– Ты что ж, давно в Петербурге?.

– Да уж, почитай, с год.

– Что ж... на месте?

– Как же, слава богу!

И молчим.

– Хорошее место?

– Место? Дай бог всякому, вот какое место!

– Где же?

– На пивоваренном заводе.

И опять помолчим.

– Довольно я, – говорит Иван, – на мужиков поработал; будет!.. Пушай кто другой опробует. Я довольно это знаю, как в работниках жить у мужика.

– Что ж, разве здесь лучше?

– Здесь-то? здесь вот как, я вам скажу: харчи ежели взять...

Неожиданно унылые звуки прекратились, раздалась глухая барабанная дробь, по поводу которой один из рыбаков, находившийся в публике, заметил:

– Н-но! Горох просыпал!

А другой совершенно серьезно прибавил:

– Должно, мешок прорвался.

И этими двумя фразами унылое настроение публики почти мгновенно перешло в улыбающееся, а еще через мгновение и совсем сделалось веселым, потому что вслед за барабанным боем офицер, сидевший на коне, возгласив на всю улицу: «На плэ-э-э... ччо!», повел взвод солдат в противоположную от процессии сторону, причем музыканты, уткнувшись губами в свои трубы, грянули на весь Невский развеселый немецкий вальс.

И не успела печальная процессия пройти по Невскому и ста шагов, как вся недавно унылая от унылых звуков толпа заплясала, зашагала в такт развеселым звукам вальса, подпрыгивая и смеясь тому, что вот никак нельзя удержаться, чтобы не плясать, и плясать притом совсем не во-время, совсем не у места. А вальс все более и более раззадоривал публику.

На перекрестке в одно мгновение образовался неистовый водоворот людей, экипажей и лошадей, все хлынуло сразу – и вперед, и назад, и поперек. Пробиваясь сквозь толпу, я было совсем потерял Ивана, но, оглянувшись, увидел, что Иван догоняет меня, желая что-то сообщить и указывая на что-то руками и головой.

– Гляньте, гляньте, – заговорил Иван: – ведь перед богом, это Варвара скачет!

– Какая Варвара?

– Вон, вон, глядите! – торопливо заговорил Иван, повертывая меня за руку к Невскому.

Посреди улицы, в куче хлынувших друг на друга экипажей, несло множество саней с «погибшими созданиями». Извозчики, невольнo покоряясь звукам вальса, улыбались и весело стегали лошаденок, несшихся вскачь; весело улыбались и погибшие создания... А блестящие вдруг хлынувшие на Невский и весь Петербург лучи солнца, точно на посмеяние, как нельзя ярче высветили перед всем народом эти опухлые, больные, однообразно неживые лица. Веселые извозчики очень скоро умчали их из наших глаз.

– Ах, какое сходствие! перед богом, она!.. Как есть она самая – Варвара?

– Какая Варвара? – опять спросил я его.

– А работница-то. Помните, еще она меня ведром-то по этому месту?

Иван показал на свою щеку и, видя, что я вспоминаю, прибавил:

– Ведро-то, пес ее возьми, согнулось, даром что железное... Ведь вот какой идол была...

– Нет, – сказал я, вспомнив историю с ведром, – не может быть!

– Ох, что-то будто... Как есть Варвара!

– Нет, не может быть... Ты обознался...

– Уж сходствует-то оченно! А может, что и опознался... Ведь это нешто долго!

На этом мы расстались, и расстались навсегда. Но эта случайная встреча, несмотря на то, что я занят был *своими* делами и заботами, вызвала во мне множество деревенских воспоминаний. Они возникали во мне как бы наперекор этим моим заботам и размышлениям. Не думайте пожалуйста, что все сказанное есть просто предлог для того, чтобы рассказать историю погибшего создания. Нет! Повторяю еще раз, воспоминания были случайны, отрывочны и беспорядочны.

Таким образом, расставшись с Иваном и продолжая путь по Невскому, я сам не мог объяснить себе, почему вдруг мне вспомнилось... сено... Слушая звуки удалявшегося оркестра и озабоченный *своим* делом, я в то же время почему-то никак не мог отогнать воспоминания о приветливых зеленых лесных лужайках, о стогах, копнах и зародах свежего душистого сена. Даже запах, этот прелестный запах травы, цветов, древесных побегов, попавших в копну и стог, даже он как будто припомнился мне, я как бы ощущал его... А как только пришло мне на память сено, так сейчас же вспомнил я и Демьяна, мужика, у которого жил то «первое» лето.

Демьян был предместником Ивана Ермолаевича¹ в тех самых местах, в которых мне пришлось жить в последние годы. Теперь Демьян разжился, бросил аренду и содержит в

¹ См. «Крестьянин и крестьянский труд».

Петербурге извозничий двор. Тогда, давно, он только наживал, и наживал со старанием, прилежанием и большим умением. И тогда он уже был по виду пожилым человеком, хотя в действительности и не был стар: стариком его делала лысина со лба до затылка. Кстати сказать, лысина эта почему-то как бы беспокоила Демьяна Ильича, потому что не раз я слышал, как он, улыбаясь и как бы шутя, говаривал:

– Лыс-то я лыс, точно, а только надо знать, с какого конца я лысеть-то стал!.. Если человек начинает лысеть с затылка, это – от пьянства или распутства, а который со лбу – тот человек от ума лысеет. А я, братец ты мой, со лбу лысеть стал... А который лысеет со лбу, тот человек за старика не должен идтить... Это не старость, а ум.

И точно, умен и – не утаю – хитер был Демьян Ильич. Много и глубоко понимал он, и не одни только хозяйственные вещи, а о хозяйственных и говорить нечего. Вспомнив о сене, я вспомнил между прочим и о его разговорах насчет этого сена. Вспомнилось мне, как бывало, сидя вечерком на ступенях старой бани, Демьян Ильич посвящал меня в тайны предстоявшей ему сенной операции.

II. Сено

– Это ежели так-то со стороны поглядеть, – говаривал он бывало, – кажется, что за хитрость скосить траву и высушить, а поглядите-ко, сколько тут разной премудрости, да и греха, пожалуй что, не меньше будет! С одним дождем сколько хлопот: целый божий день надо глядеть – нет ли где тучки, облачка... иной раз в один час на тысячу рублей сгинет, задаром пропадет. Кажется, вот ниоткуда никакой беды нет, небо чистое-расчистое – пойдешь обедать; только успеешь, господи благослови, ложку проглотить – откуда что взялось, налетело, хлынуло: гляди да плачь, больше ничего... Или теперича возьмем прессовку; прессовка у нас идет зимой; положим, что обязался я поставить сено в город, ну хоть, будем так говорить, в воскресенье. Ежели я так обязался, то прессовать я должен, положим, в среду; вот, господи благослови, вышел я с рабочими, – а господь-то милосердный послал мне на среду-то морозец! А мороз что такое? А мороз означает, что из десяти пудов выходит девять, а куда один-то пуд девается, господь знает... Или же возьмем так: снег заместо морозу-то... Коли снег мелкий как пыль, это ничего, это на прессованной кипе прибавляет весу, ну, а коли крупный – пропадай! Потому что попади в тюк вот эдакой комочек снегу (Демьян Ильич показал на ноготь), весь тюк сторит, а от него весь вагон загорится... Видали, чай, иногда едет вагон – весь белый, заиндевелый? Это сено там горит, в тюк в ту пору руки нельзя просунуть – жар!ю. отворить такой вагон-то, так оттуда, как с каменки, поддаст паром... Есть и еще на сено беда: вешний ветер! Вешний ветер – что мороз; дунет в зарод – двадцать пудиков и нет! опять дунул – опять двадцать пудиков унес! От этого ветру трава легчает, усыхает, а уж какой, кажется, ветерок – ласковый, приятный, а и тот нашего брата по карману бьет... К весне-то сено дорожает, тут что ни дохнет ароматный-то этот ветерок приятный, так рублевки и выхватывает из кармана... Рубликов на пятьсот иной раз и надышит эдаким ласковым-то своим дыханием. Вот туман – это уж прямо сказать – отец наш! И что гуще – то нам приятнее. Трава тяжелеет, тут на каждой кипе польза; и так бывает, что близу полпудика вобьем в каждую кипу-то туману этого самого, благодетеля-то... А разочтите, сколько его в вагоне едет! Не солгать сказать, иной раз на одном только, чисто вот, тумане этом рублей сто домой привезешь... А кажется, что такое? Мразь! А польза есть. Ведь вот как премудро сделано!..

Удивляясь божьей премудрости, вздохнет, бывало, Демьян Ильич и заведет речь о значении в сенном деле премудрости человеческой.

– Или возьмем, например, гнилье, старое, лежалое сено... Иной раз бывает, тысячи по три пудов лежит без дела, гниет... И ежели его бросать так-то, так надо все дело бросить. Вот тут и требуется опять же ум! Надо знать, что значит рассортировка. Рассортировать сено гнилое с хорошим, это надо тонко понимать! Ух, тонко! Иной прямо вопхнет гнилья комок, ан оно и видно, и дух от него и все... сена-то и не берет; а надобно так уметь, чтоб и половину на половину ежели смешаешь – так и то чтобы как зеленое было! Вот сколь надо ума! И был в наших местах – царство ему небесное, помер теперь, второй год как уж помер – солдат один, Дормидон... Н-ну уж и золото на эти дела! То есть бывало, перед богом, на спор берется: больше половины вопхну гнилого сена, и все будет зеленое! И что ж – умел сделать! И не в прессе, не в кипе – в кипе не хитро – а в возу; в воз-то всякий покупатель рукой лезет, всякий к носу тащит, рассматривает, и то не могли взять в сомнение. Бывало, дня по два воз-то вьет... каждую порошинку рассортиует, разымет по ниточкам, и свежую и гнилую, играет пальцами, точно кружева плетет, и погляди – вбил на твоих глазах больше половины черного и лежалого, а ни за что не отгадаешь: зеленое как есть! Уж умел; что человек был обстоятельный, ненадежный, этого утаить нельзя; точно, сбивался частенько на худое, но что касательно рассортировки – ввек такого молодца не нажить. Вздохнет Демьян Ильич и продолжает: – А продать? И продать тоже надо умеючи... Надо знать места – это первое; знать, да никому не сказывать. И тут тоже во-оот как

надо осторожно!.. Каждый шаг с оглядкой... Теперича ежели я приехал, положим, в Петербург и надобно мне идти в знакомое место – положим, что на Бассейной оно или на Литейной. Иной бы прямо так и попер на Литейную или на Бассейную, а я – нет, научен; я вон куды, к Нарвской заставе поплетусь, потому что я знаю, которые со мной ехали торговцы из наших мест, а не они, так ихние знакомые, знаю я, что они всячески норовят узнать, куда я сено поставляю... Выследят, догадаются, перебьют, цену сбавят. Вот и надо осторожно... За мной одна два двое суток наши двое следили – ну только я не дался в обман... Так умаял их – отстали... Все надо знать!.. А главное, надо знать места: коли знаешь хорошие места, вези за всякое время, цены не пугайся... Иной так бывает, что на Сенной цена двугривенный, а ты по семидесяти копеек представляешь. Надо знать. Ну конечно, требуется знакомство водить; управляющие у господ, швейцары, кучера – всё народ нужный, все надо угостить, поднести, в руку сунуть... Как ты не будешь им жалеть, так и они тебя не покинут – вот какое дело. Дело обоюдное... И – не хочу жаловаться – никогда без хороших мест не жил, и добрых людей господь мне немало посылал... Жаловаться не стану!.. Один мне памятен человек – жид. Кажется, что уж... еврей, жид, свиное ухо, а уж че-ло-век – на редкость! Уж так-то был до нашего брата жалостлив – истинная мать! Верное слово вам говорю, то есть мать! Больше ничего... Конечно, благодаришь, нельзя без этого, ну, зато уж неизменная опора нашему брату. Копье! Был этот еврей от казенного места... артилерия конная... из казарм... Придет на Сенную, с одного взгляда видит – что чего стоит. Носом чует, сколько лежалого вбито, тонко знал дело, то есть, пожалуй что, получше нашего брата, а жалел, помогал. Бывало, которые воза уж совсем плохи, черным-черны, те ведет вперед в сарай-то казенный, заведет в самый темный угол, «вали», говорит; а которые воза получше – сваливай посверху лежалого-то, а которое совсем хорошо, и тое – под самый конец. Придет начальник, глянет, сено зеленое-раззеленое. «Хорошо!» говорит – а нам то и любо. Денежки получил, добрых людей поблагодарил, пошел к своему месту. Нет, таких других радетелей-благодетелей не сыскать, как этот самый еврей... Нет! Куды!.. Алтынники всё пошли: и с меня сорвет и с тебя, и пивом и чаем; насулит и надует. Слова не держат, совести не имеют, а этот, хоть он и жид, а у него есть совесть. Что сказал – свято! Рубль ему дал – аминь! Уж измены не сделает, даром что жид!.. Так вот оно, сено-то что означает! Так-то, кто этого ничего не понимает, поглядеть – что такое? Пустяки! Сено, больше ничего; а как рассудить, так оно охо-хо – чего стоит... Да ведь это мы про готовое сено разговариваем: это уж когда оно припасено, приготовлено... А каково припасти его – это еще надо рассудить! Сколько хлопот с народом, с работниками – не приведи царица небесная!

III. Работники

Все эти разговоры большей частью происходили перед началом работ – косьбы – и вызывались именно трудностями, с которыми она сопряжена. А в числе этих трудностей образование согласной, хорошей рабочей артели – дело весьма существенное и серьезное. Прежде нежели образуется такая артель, то есть такая группа рабочих людей, которые мало того, что более или менее ровно работают, но еще и чуть-чуть симпатизируют друг другу, согласны в мнениях и разговорах, придется долгое время иметь дело с самой разношерстной толпой незнакомых людей, недружно принимающихся за дело, пробующих, где лучше, как бы не продешевить труд, так как и цен на труд в эту пору еще не установилось настоящих. Эти случайные, неспевшиеся рабочие то придут, то уйдут, поработав день-два. Одному показалось дешево, другому приходится отказать – «не работник», третьему не понравился харч. В начале работ много приходится разговаривать, знакомиться, узнавать людей, – а между тем работы идут вяло и постоянно прерываются отлучками, расчетами. Помню я, много было в ту пору хлопот и напрасных трат Демьяну Ильичу. Прежде всего повалил из Питера на весну домой какой-то весьма ненадежный сорт народа, не то пропойцы, не то и совсем подозрительные люди; придет, уговорится, поужинает, наутро позавтракает, возьмет косу, да и говорит:

– А я, брат, косить-то не мастер!

– Так ты что ж, бессовестный, врал-то?

– Да оголодал я... Ты уж меняпусти!..

А другой попадется и старательный, и бьется, и потеет, – да не умеет, ишь в сидельцах в кабашных сидел, где там этому учиться?

Дело не дело, а платить надо, кому за полсутки, кому за сутки. Работа останавливается, да иной раз и дождик поможет, хлынет в то время, как неумелые уходят, получив расчет. Выходило так, что заплати деньги, да и любуйся, как они пропадают.

К концу июня повалил народ настоящий, не проходимцы и не неумелые, а настоящие знатоки по части косьбы, которые и слынут в народе да и сами себя величают *косаками*. – «Куда идете, ребята?» – «В косаки». (А иному послышится, будто бы они говорят: «в казаки!») Многие и думают, что они идут к казакам на Дон, на деле же выражение «в косаки» означает, что народ просто идет косить где придется. Нам кажется, однако, что выражение *казак* и происходит отсюда, от слова косить степи; обилие скота – обилие косьбы... Это между прочим.) Между этими-то вот настоящими косаками, из которых многие ходят в одни и те же места много лет, у Демьяна Ильича было уж и прежде сделано немало знакомств. Были между ними такие работники, которые шли прямо к Демьяну Ильичу и прямо становились на работу, даже не упоминая о цене, не торгуясь. – «Н-ну, чай, не обидишь!» И действительно, Демьян Ильич не обижал рабочих; *харчи*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.